

УДК 930.1

А. В. Кручковский¹, Т. Т. Кручковский²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 954 06 59, kruchkovsky.andrey@yandex.by ,
²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

**КРЕВСКАЯ УНИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА**

В статье рассматриваются оценочные подходы к Кревской унии и ее последствия в цивилизационном контексте в русской консервативной историографии имперского периода. В цивилизационном контексте Кревская уния рассматривалась как переход ВКЛ к западной латинской цивилизации. В русской консервативной историографии эта тематика тесным образом связана с рядом тем как истории собственно ВКЛ, истории Западной России, так и истории России и Польши.

Ключевые слова: русская консервативная историография; Кревская уния; Польша; ВКЛ; Западная Россия; Россия.

Библиогр.: 33 назв.

A. W. Kruczkowski¹, T. T. Kruczkowski²,

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
5 Oktyabrskaya Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 954 06 59, kruchkovsky.andrey@yandex.by ,
²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

**THE UNION OF KREVO AND ITS CONSEQUENCES
IN THE CIVILIZATIONAL CONTEXT IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN
CONSERVATIVE HISTORIOGRAPHY OF THE IMPERIAL PERIOD**

The article examines evaluative approaches to the Union of Krevo and its consequences in the civilizational context in Russian conservative historiography of the imperial period. In the civilizational context, the Krevo Union was considered as a transition of the Grand Duchy of Lithuania to Western Latin civilization. In Russian conservative historiography, this topic is closely connected with a number of topics such as the history of the Grand Duchy of Lithuania itself, the history of Western Russia, and the history of Russia and Poland.

Key words: Russian conservative historiography; Union of Krevo; Poland; Grand Duchy of Lithuania; Western Russia; Russia.

Ref.: 33 titles.

Введение. В статье рассматриваются оценочные подходы к Кревской унии и ее последствия в цивилизационном контексте в русской консервативной историографии имперского периода. Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейшего политического, военного, а также и цивилизационного соперника на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центра передачи западного влияния [1, с. 10]. Содержание статьи несколько шире

заявленной темы, в ней в некоторых аспектах рассматриваются взгляды польских историков на Кревскую унию и её цивилизационные последствия. Это делается для представления взглядов историков русской консервативной историографии имперского периода на более широкой историографической панораме исследования заявленной тематики.

Проблематика Кревской унии в русской консервативной историографии имперского периода (период Российской империи 1721—1917 годов) тесным образом связана с рядом тем как истории собственно ВКЛ, истории Западной России (территорий современных Беларуси и Украины в интерпретации российской исторической науки рассматриваемого периода), так и истории России и Польши. Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что до настоящего времени в российской, белорусской, польской и литовской историографии по данной проблеме существуют различные, несовпадающие и даже противоположные оценки Кревской унии и её цивилизационных последствий (общественно-политических, экономических, историко-культурных, конфессиональных) для народов России, Польши, Беларуси и Литвы. Статья систематизирует и в ряде аспектов уточняет взгляды русской консервативной исторической мысли имперского периода на рассматриваемую проблему, в этом заключается её научная новизна.

Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие цивилизации и цивилизационной борьбы. Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния. В данном случае авторы используют дефиницию цивилизации в широком смысле: как определенный набор существенных характеристик общественно-политического, государственного уклада (историко-культурных, общественно-политических, экономических, идейно-ментальных, конфессиональных). Этот термин широко использовался в российской исторической науке рассматриваемого периода, однако в основном Н. И. Кареевым и отчасти В. О. Ключевским [1, с. 6].

Авторы для передачи специфики оценочных подходов российской науки рассматриваемого периода используют названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, Речь Посполитая определялись в ней как «польско-литовская государственность» или чаще всего как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли».

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы нашей статьи опираются как на основополагающие, выработанные историософской мыслью принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Эти новые теоретико-методологические требования, предъявляемые к истории, диктуют также необходимость корректировки модели развития исторической науки в России изучаемого периода. В современной историософской литературе отмечается, что идея научной универсальности (одна из основных в позитивистской и марксистской историософии) признана устаревшей, ее место заняла установка на принципиальное разнообразие познавательных перспектив [1, с. 47].

В решении поставленных исследовательских задач авторы опирались на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Наиболее используемыми специально-историческими методами в статье являются: историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный (или метод компаративистики), ретроспективного и перспективного анализа. [2—5]. Все эти методы, как показывает материал нашего исследования, особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет исследования столь «чувствителен» к субъективным оценкам.

Результаты исследования и их обсуждение. В целом в российской науке исследуемого периода понятие цивилизации использовалось не столь часто, его заменяли терминами «борьба миров», «народные стихии» или культурно-исторические типы, как у Н. И. Данилевского или К. Н. Леонтьева. Н. И. Данилевский представил первый в российской историографии разработанный теоретический вариант цивилизационного развития мира, в котором значительное место уделено российско-польскому противостоянию, отнеся их к различным культурно-историческим типам [6]. В этом контексте работа Н. И. Данилевского исследовалась авторами статьи [7—9]. В польской историософской мысли польско-российское противоборство в контексте цивилизационного противостояния представлено Ф. Конечным [10]. В этом ракурсе цивилизационная модель Ф. Конечного подверглась изучению, в том числе и авторов данной статьи [1; 11; 12].

Общие оценочные подходы российской науки исследуемого периода к исторической полонистике выразились в ее основополагающих (фундаментальных) идеях [1; 7; 13—15]. Эти положения были консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка [1, с. 6]. К числу этих идей принадлежит и положение о цивилизационном противостоянии Польши и Москвы. При этом подчеркивалось цивилизационное превосходство России и принадлежность западнорусских земель к единой русской православной цивилизации, наследником которой провозглашалась Москва. В вопросе о западнорусских землях (белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф. М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась [1, с. 229].

Основоположника российской националистической историографии, консервативного западника Н. М. Карамзина привлекала, прежде всего, история северо-восточной части Руси (будущей Московии), в меньшей мере он описывал историю юго-западной и западной частей Руси, вошедшей в состав ВКЛ. Историю ВКЛ до ее соединения с Польшей ученый оценивал как историю преимущественно российскую. Одной из фундаментальных позиций исторической концепции Н. М. Карамзина было утверждение о Москве как наследнице Киевской Руси: «Территория России этого периода продолжала занимать пространство от берегов Оки до Сана» [16, с. 9].

По нашему мнению, славянофильская историософия и историческое преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н. Г. Устрялова и М. П. Погодина представляют в историографическом плане, несмотря на их определенные разногласия, явления одного порядка. Фактически Н. Г. Устрялов был официальным историографом России, находясь в близких отношениях с С. С. Уваровым, занимая должность декана историко-филологического факультета Петербургского университета. В двух основополагающих идеях — исключительности русской национальности и ее всемирно-исторического предназначения — сторонники теории официальной народности и критикующие их славянофилы были едины. В интерпретации исторической полонистики, как показала историографическая практика, их основные положения практически идентичны [1, с. 59].

Историю ВКЛ Н. Г. Устрялов в «Русской истории» рассматривал подобно Н. М. Карамзину: отмечал первоначальное господство Киевской Руси над «хищными литовцами» [17, с. 210]. В статье «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» он, пересматривая ряд своих положений, заявлял, что ВКЛ было русским государством: «Русское, и вера, и язык, и гражданские уставы» [18, с. 17]. Н. Г. Устрялов стал первым российским историком, который начал отдельно изучать историю ВКЛ, и в его трудах «содержатся те программные установки, которые после восстания 1863 года войдут в “плоть и кровь” идеологии “западноруссов” и их ведущего историографа — М. О. Кояловича» [19, с. 126]. В своей оценке ВКЛ Н. Г. Устрялов допускал ряд противоречащих друг другу оценочных подходов: то он писал о ВКЛ как о «новом отечестве» для русских

князей [17, с. 240], в котором Литва и Русь слились в «один народ», т. е. русский [17, с. 241], то утверждал, что самостоятельность ВКЛ была ликвидирована соединением с Польшей, государство стало польским и католическим, подавляющим православие [17, с. 277].

Исходные установки Н. Г. Устрялова позволяли польско-литовские унии, особенно унию в Крево, рассматривать только как польский захват территорий ВКЛ, этого русского православного, по его мнению, государства. Неудивительно, что отношение ученого к ВКЛ изменится в период правления Ягелло. Основной причиной тому являлась подписанная между ВКЛ и Польшей Кревская уния, когда Ягелло «крестился по Римскому обряду, вступил в брак с королевой и короновался, дав предварительно присягу соблюдать Польские законы, ввести Латинскую веру в Литве и соединить наследственное княжество с Польшею в одно государство» [17, с. 174]. Однако, считал он, несмотря на принадлежность монархов одной династии, эти государства сохранили свою независимость [17, с. 174]. Говоря о том, что постоянно в польском королевстве преследовалось православие, академик заявлял, что «иго польское было тягостнее татарского» [18, с. 19]. В этих условиях, отмечается историками русской историографии, заключение с Польшей Кревской унии в 1385 году являлось нарушением тенденции слияния Литвы и русских земель в единое русское православное государство.

Особое место в изучении истории ВКЛ после трудов Н. Г. Устрялова заняло историческое наследие М. О. Кояловича. Он одним из первых занялся изучением истории ВКЛ, был автором первой в российской историографии работы, посвящённой Люблинской унии [20]. По мнению М. О. Кояловича, «дело унии (Кревской — А. К., Т. К.) было простым случаем, основанном на польской невесте для Ягелло и это предало русское дело в Литве» [20, с. 5].

Тематика исторической полонистики была актуальна в российской консервативной и славянофильской историографии второй половины XIX — начала XX века. На анализируемый период приходится расцвет творчества ряда известных консервативных историков, занимающихся в той или иной степени полонистикой: Д. И. Иловайского, М. О. Кояловича, П. Д. Брянцева, А. С. Будиловича, П. А. Гейсмана, А. Ф. Гильфердинга, П. Н. Жуковича, Ф. И. Леонтовича, В. И. Ламанского, Н. К. Шильдера, И. П. Филевича, Ф. М. Уманца и др. Крупнейшими из них являлись Д. И. Иловайский и М. О. Коялович.

Д. И. Иловайский был автором ряда обобщающих трудов по истории России, в которых рассматривается и ряд проблем польской истории. Его работы написаны с открыто полонофобских и антисемитских позиций. Идеино-политические взгляды историка выразились во вступлении в «Союз русского народа». М. О. Коялович занимался историей Православной церкви и западнорусских земель Речи Посполитой и ВКЛ. Он стал одним из теоретиков «западнорусизма» — своеобразного регионального западнорусского варианта позднего славянофильства [1, с. 117].

Описанный выше подход Н. М. Карамзина к начальной истории ВКЛ как русского государства и возможности на основании этого слияния ВКЛ с Москвой был принят в российской историографии [1]. Историк рассматривал историю Литовской Руси как отпадение от единого центра, которым он признавал исключительно Москву [1, с. 86].

Положение кардинально изменилось, по мнению Н. М. Карамзина, после заключения Кревской унии, принятия Ягелло польской короны и католичества. Соединение Литвы унией с Польшей оценивалось им исключительно с точки зрения интересов Москвы [16, с. 203]. Историк оставлял совершенно без рассмотрения вопрос о причинах заключения самой Кревской унии.

ВКЛ в интерпретации консервативной историографии славянофильской ориентации второй половины XIX — начала XX века, как и в предшествующий период, продолжало рассматриваться как русское государство. Литва, по мнению М. О. Кояловича, «в силу географических условий должна была примкнуть к соседям» [21, с. 31]. И таким соседом, конечно, по мнению большинства российских историков, могла быть только Москва. М. О. Коялович, считая, что процесс сближения Польши и Литвы был насилием над русским народом, начиная с Кревской унии, длившийся на протяжении двух веков, в отличие от других консервативных

историков (Д. И. Иловайского, П. Д. Брянцева, И. П. Филевича, И. П. Беляева и др.), считавших время сближения Польши и Литвы от Крево до Люблина цепью отдельных событий, видел в этом цивилизационное сближение двух государств вплоть до их полного слияния [20, с. 6].

К тому же, как утверждал П. Д. Брянцев, «древних литовцев и русских объединяла издавна тесная дружба, а с поляками у них особой дружбы не было» [22, с. 100]. Как видно, отношения русских и поляков еще до начала цивилизованного столкновения в интерпретации ряда представителей консервативной историографии были уже априори прохладными, в то время как отношения с языческими литовцами — дружественными. Причина этого явно кроется в превосходстве русской православной цивилизации над «поганой, темной» Литвой, в отличие от католической славянской Польши как части западного мира.

А. С. Будиловичем, согласно традиции консервативной историографии, ВКЛ до Кревской унии рассматривалось как русское государство. Язык правовых документов ВКЛ он называл западнорусским: «Язык этот ничем не отличался бы от языка русского, если бы не полонизмы и латинизмы — “естественные наносы латино-польской школы”» [23, с. 16]. В другой из своих работ государственный язык ВКЛ он прямо называл «русским» [24, с. 40].

По мнению И. П. Филевича, не было никаких предпосылок для унии, так как Польшу и Русь разделяла вековая вражда, проявившаяся даже в психологии русского народа: «Недаром русские люди беса представляли в виде ляха» [25, с. 2].

В оценке консервативной историографии Кревская уния обозначала начало насильственного распространения католичества на западнорусские земли. Так, И. П. Филевич говорил, что «Ягеллонская уния открыла латинско-европейскому влиянию свободный путь до Двины и Днепра» [25, с. 99].

Положение о насильственном присоединении Польшей Литвы является общим для русской консервативной историографии. Что весьма интересно, большинство русских историков, говоря о насильственном присоединении русско-литовских земель к Польше, считали, что Польша в силу своей слабости не была в состоянии насильно это сделать (И. Д. Беляев, В. Б. Антонович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский, И. П. Филевич и др.), поэтому и говорили они вполне серьезно о возможности присоединить столь огромное государство, как ВКЛ, «коварством, обманом, упорством в достижении поставленной цели» и даже свойствами характера поляков и русских [7, с. 132]. Так, Ф. Еленов писал, что «слияние литовско-русского государства с Польшей и последующее преобладание над западной Русью осуществлено не превосходством польской цивилизации, не материальной силой Польши, а дальновидностью и необычайной настойчивостью политики польских государственных людей, в особенности высшего духовенства» [26, с. 13].

Только Ф. М. Уманец и М. К. Любавский рассматривали сближение как процесс культурно-цивилизационной ассимиляции. Ф. М. Уманец рассматривал польское влияние на русские земли Литвы как влияние западной культуры на восток [27]. Основой этого превосходства Польши, считал историк, была политическая свобода в стране. Как отмечал Ф. М. Уманец, «польская свобода имела силу не только присоединять, но и ассимилировать страны». По его утверждению, «за сто лет после разделов, Россия не смогла сделать для русификации и десятой части того, что сделали поляки в XV—XVI в.в.» [27, с. 17]. С позиций, близких к Ф. М. Уманцу [28], оценивал процесс цивилизационного слияния Литвы с Польшей и образования польско-литовского государства как образования, находящегося под влиянием польской политической культуры и католичества, М. К. Любавский и с определенными оговорками В. А. Мякотин [7].

Уния в Крево характеризуется русской историографией как династический союз двух государств. Большинство русских историков не ставили вопрос о возможности отношений иного порядка как в силу славянофильских представлений о невозможности соединения двух противоположных начал в одном государстве (католического и православного), так и по причине неразработанности данной проблемы и в польской историографии.

М. К. Любавский первым в русской историографии выдвинул положение о первоначальном намерении инкорпорации (т. е. полного слияния ВКЛ с Польшей и потерей Литвой ее государственности) Польшей Литвы по договору об унии 1385 года [29]. Впервые это положение в польской историографии было сформулировано А. Левицким [30]. Спор же вокруг этой проблемы в польской науке, заключающийся в способе интерпретации термина *aplicare*, характеризующего отношения Польши и Литвы, упомянутого в тексте Кревской унии, велся еще в первой половине XIX века. Оставался он актуальным и в начале XX века. Известно, что, согласно этому договору, первоначально ликвидировалось ВКЛ как государство, упразднялся титул великого князя литовского. Объяснял это намерение М. К. Любавский тем, что в ВКЛ великие князья в силу традиций и огромной власти считали государство своей династической собственностью. Неудачу этого намерения историк пояснял нежеланием литовского боярства, роль которого значительно возросла к началу XV века, на которое удалось опереться Витовту, делиться с поляками своей властью и доходами с русских земель [29, с. 57].

И. И. Лаппо, который поддерживал положение о первоначальном намерении инкорпорации Литвы, считал главной причиной неудачи присоединения сопротивление русского православного элемента. Это положение И. И. Лаппо впоследствии было принято и в советской историографии [31].

Современная польская историография преимущественно придерживается положения о первоначальном намерении Ягелло полностью присоединить Литву к Польше. Еще Х. Ловнянски доказывал данное положение тем, что в силу существующих традиций Ягелло считал государство своей патримониальной собственностью, т. е. собственностью своего рода, династии, пытался ею распорядиться [32, с. 34]. Ю. Бардах, как бы подводя итог дискуссии, отмечал, что была попытка присоединения Литвы к польской короне, но она оказалась кратким эпизодом, так как Польша конца XIV века была не в состоянии поглотить такое огромное в национальном и культурном отношении общество. Инкорпорация в то время закончилась бы катастрофой [33, с. 29].

Русская консервативная историография рассматривала эту унию как выгодную для польской стороны, так как она, по ее мнению, усиливала Польшу за счет Литвы-Руси и, главное, остановила процесс слияния Литвы с русскими землями (М. О. Коялович, И. Д. Беляев и др.). П. Д. Брянцев утверждал, что «соединение внесло в одряхшие и разрушающиеся члены польского государства жизненные силы, придало им новую энергию и, таким образом, отстрочило падение его еще на четыре столетия, а главное: дало полякам более простора для жизни, т. к. они незадолго до этого потеряли свои владения на западе и севере, а впоследствии сего им тесно сделалось жить дома: они задыхались в своей песчаной равнине» [22, с. 25].

И. И. Лаппо также считал, что Кревская уния спасла Польшу от немецкой опасности. Подобную точку зрения высказывал и Ф. Еленев: «Польша до соединения с литовско-русским государством была государственным ничтожеством, не могущим защитить себя не только от литовско-русских полков, но даже от прусских переселенцев» [26, с. 13].

По мнению П. Д. Брянцева, пользу от заключения Кревской унии извлекла также и Москва, как второй центр собирания русских земель, которая в результате принятия Литвой католичества избавилась от опасного конкурента [22, с. 25].

Заключение. В цивилизационном контексте Кревская уния в русской консервативной историографии рассматривалась как переход ВКЛ и ее православных земель (территории современных Беларуси и Украины) к западной латинской цивилизации вопреки более раннему участию в православном русском мире. Положение о цивилизационной принадлежности Москве православных земель ВКЛ, т. е. территории современных Беларуси и Украины, было одной из основополагающих (фундаментальных) идей русской консервативной историографии имперского периода.

По причине такого оценочного подхода подавляющая часть русских консервативных историков характеризовала Кревскую унию 1385 года как случайное явление, не имеющее глубоких корней. В русской консервативной историографии также отсутствовал анализ причин такого развития событий. Отчасти только характеризуются выгоды, намерения польской стороны и последствия данного акта для дальнейшей истории как русских православных земель ВКЛ, т. е. территорий современных Беларуси и Украины, так и самой Польши.

Список цитированных источников

1. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
2. Зевелева, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелева. — М. : Высш. шк., 1987. — 160 с.
3. Могильницкий, Б. Г. Методология истории в перспективе историографической революции / Б. Г. Могильницкий // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век : материалы междунар. науч. конф. — М. : ИВИ РАН, 2008. — С. 14—16.
4. Могильницкий, Б. Г. Понятие кризиса исторической науки / Б. Г. Могильницкий // Истор. ежегодник. Спец. вып. — Омск, 2001. — С. 11—16.
5. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. — М., 2007. — 234 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
7. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродна, 1994. — 198 с. (Наш радавод, кн. 6, ч. II.).
8. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
9. Кручковский, Т. Т. Проблема западного цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке М. О. Кояловича [Электронный ресурс] / Т. Т. Кручковский. — Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/>. — Дата доступа: 31.03.2023.
10. Konieczny, F. O wielkości cywilizacji / F. Konieczny. — Warszawa, 2002. — 320 s.
11. Кручковский, Т. Т. Основные теоретические положения историсофской концепции Ф. Конечного / Т. Т. Кручковский, А. В. Кручковский // Весн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2022. — № 2 (12). — С. 44—48.
12. Galus, M. Państwo i społeczeństwo w cywilizacji łacińskiej w poglądach Feliksa Koniecznego / M. Galus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bc.umcs.pl/Content/36175/PDF/czas21815_24_2019_16.pdf. — Дата доступа: 22.03.2023.
13. Кручковский, Т. Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX — начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. — 2000. — № 2. — С. 9—20.
14. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков : историограф. обзор / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — Минск. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—36.
15. Якубский, В. А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
16. Карамзин, Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. — СПб., 1842. — Кн. 1, т. IV.
17. Устрялов, Н. Г. Русская история : в 5 ч. / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1839. — Ч. I.
18. Устрялов, Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. — 42 с.
19. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального сознания белорусов и украинцев / Д. В. Кареев. — Вильнюс, 2007. — 310 с.
20. Коялович, М. О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М. О. Коялович. — СПб. : Газ. «Рус.инвалид», 1863. — 87 с.
21. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.

22. *Брянцев, П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. — 659 с.
23. *Будилович, А. С.* О значении в славянской истории битвы под Танненбергом-Грюнвальдом / А. С. Будилович // Сб. Уч.-Литератур. О-ва при Император. Юр. Ун-те. — Юрьев, 1899. — Т. 2. — С. 3—25.
24. *Будилович, А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира / А. С. Будилович. — СПб. : Тип. А. Граншеля, 1878. — 54 с.
25. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М. : Университ. тип., 1894. — 104 с.
26. *Еленев, Ф. П.* Польская цивилизация и её влияние на Западную Русь / Ф. П. Еленев. — СПб. : Тип. И. Шумахера, 1863. — 88 с.
27. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
28. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. — 2007. — № 2. — С. 47—53.
29. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. — М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. — 850 с.
30. *Lewicki, A.* Nieco o Unii Litwy z Polska / A. Lewicki. — Kraków, 1893. — 143 s.
31. История Польши / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. — 2-е изд. — М., 1956. — Т. 1. — 706 с.
32. *Lowniański, H.* Zagadnienia historii kultury a ogólna synteza dziejów Polski / H. Lowniański // Kwartalnik historyczny. — Roczn. 64. — № 1. — S. 32—46.
33. *Bardach, J.* Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII—XX wieku / J. Bardach / Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich / red. J. Starzewski. — Gdańsk—Toruń, 1995. — Т. 1. — S. 25—38.

Поступила в редакцию 04.10.2023.